(1)Полжизни Виктор Дмитриевич Дувакин проработал на филологическом факультете Московского университета. (2)Нам, его последним дипломникам, он казался тогда старым-престарым. (3)Ещё бы: он был на похоронах Есенина, дважды видел Маяковского...

(4)Массивный, медлительный, по-профессорски рассеянный, Виктор Дмитриевич никак не мог избежать внимания записных остроумцев. (5)Их удачи он принимал без видимого огорчения — снисходительно и добродушно, а то и с откровенным удовольствием. (6)«Уж полночь близится — Дувакина всё нет!..» — пели, изображая отчаяние, заждавшиеся студенты в университетском капустнике.

(7)«Виктор Ду-, Виктор Дувакин, где я вас найду?» — импровизировали в самодеятельной бригаде, объединившей энтузиастов поэзии Маяковского.

(8)Но из обширного фольклора о себе Виктор Дмитриевич больше всего любил присловье, сочинённое ещё в недрах предвоенного Литмузея: «Дувакин вспомнил то, что он забыл, и тут же забыл то, что вспомнил».

(9)Первое время его собеседования со мной начинались одним и тем же загадочным вопросом:

— Вы, кажется, родом из Козлова?

— (10)Нет, — отвечаю для краткости, — я из-под Винницы. (11)Каждый раз это было ему как подарок. (12)Его лицо тотчас озарялось счастливой улыбкой, и он с видом заговорщика смаковал пикантную фразу из арсенала Маяковского: «Как плюются в Виннице».

(13)Память — это страсть, и Дувакин мог забыть что угодно, только не строку своего поэта.

(14)При случае Виктор Дмитриевич готов был прорычать что-нибудь из Державина, выхватить клок у Алексея Константиновича Толстого, спародировать Игоря Северянина, погудеть Пастернаком... (15)Но Маяковского читал постоянно: в своё удовольствие и с аппетитом — как в яблоко вгрызался. (16)Его Дувакин любил безоговорочно и потому помнил вдоль и поперёк. (17)И только потому, что любил и помнил, им занимался: разбирал строчку за строчкой, отыскивал источники и реалии, толковал, комментировал...

(18)На пятом курсе я принёс Виктору Дмитриевичу полтора десятка неизвестных статей Маяковского, подписанных разными псевдонимами. (19)На полках уже стояли три полных собрания сочинений поэта, и поздняя студенческая находка выглядела слишком неправдоподобно. (20)Виктор Дмитриевич вызвал Варвару Аветовну Арутчеву, долгие годы работавшую с рукописями Маяковского, и они вдвоём, проверяя на прочность, стали терзать меня так, как потом уже не терзал никто. (21)Когда я позже рассказывал об этом Рудольфу Дуганову, он хмыкнул: «Ну как же! (22)Дувакин знает всего Маяковского наизусть. (23)И если соглашается на новые тексты, то для порядка должен будет их выучить». (24)А тут не стихи, а проза, и не строчками, а погонными метрами. (25)Через два года нашу общую публикацию Рудик надписал: «Бесконечному Виктору Дмитриевичу...»

(26)«Бесконечность» Виктора Дмитриевича стала очевидной для многих в феврале 1966 года, когда судили Андрея Синявского, его бывшего студента из семинара по Маяковскому. (27)Дувакина вызвали в суд свидетелем. (28)И он сказал там то, что сказал бы у себя дома, на кафедре или в студенческой аудитории. (29)Он помнил Андрюшу с первых занятий, когда тот выглядел ещё классическим гадким утёнком. (30)Но время шло, и гадкий утёнок на глазах превратился в прекрасного белого лебедя... (31)Судья вынужден был остановить свидетеля. (32)Для этого мрачного места больше подходили другие слова, которыми, кстати, вовсю осыпали Синявского и Даниэля в газетах: подонки, оборотни, пасквилянты, нравственные уроды, наследники Смердякова... (33)Если бы Дувакин ими воспользовался, если бы подтолкнул своего воспитанника за решётку, он выполнил бы долг советского преподавателя и коллеги по филфаку гордились бы им. (34)А так на учёном совете они скопом осудили его и потребовали уволить за несоответствие занимаемой должности. (35)Всё это заседание мы протомились за дверью. (36)Когда вышел Виктор Дмитриевич, Зина Новлянская упрямо замотала головой: «Для нас вы соответствуете».

(37)...На окончание университета Виктор Дмитриевич всем нам подарил по книге Маяковского со своими комментариями, а на титуле каждому указал его страницу и строчки. (38)Вале Мартыновой досталось: «Послушайте! (39)Ведь, если звёзды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?» (40)Марине: «Деточка, все мы немножко лошади, каждый из нас посвоему лошадь». (41)А мне: «Ищите свой корень и свой глагол, во тьму филологии влазьте. (42)Смотрите на жизнь без очков и шор».

(43)И я стараюсь. (44)Правда, когда снимаю очки, почти ничего не вижу.

*(По В. В. Радзишевскому*)*

*** Владимир Владимирович Радзишевский** (род. в 1942 г.) — литературовед, литературный критик, журналист.

Из предложений 6−10 выпишите антонимы (антонимическую пару).